
ТОНИ ТЕТРО
ДЖАМПЬЕРО АМБРОЗИ
18+
Это точно (не) подделка?
ОТКРОВЕННЫЙ РАССКАЗ САМОГО ИЗВЕСТНОГО АРТ-МОШЕННИКА

Искусство. Новый взгляд

Тони Тетро

Это точно не подделка? Откровенный рассказ самого известного арт-мошенника

«Эксмо»
2022

УДК 7.061
ББК 85.1

Тетро Т.

Это точно не подделка? Откровенный рассказ самого известного арт-мошенника / Т. Тетро — «Эксмо», 2022 — (Искусство. Новый взгляд)

ISBN 978-5-04-257231-9

Драматичная и захватывающая история о мошеннике – фальсификаторе картин, описанная в мельчайших подробностях. Тони Тетро и его соавтор представляют детальный отчет о деле, обманувшем коллекционеров и искусствоведов во всем мире. Рембрандт, Шагал, Дали, Миро и Роквелл – это только краткий список мастеров, чьи работы подделывал Тетро, получив за них огромные деньги. Эта книга познакомит вас с мрачной изнанкой арт-бизнеса. Один из самых плодовитых фальсификаторов произведений искусства расскажет, как ему удавалось проворачивать свои многочисленные авантюры и какую цену пришлось заплатить за успех на художественном рынке. Откройте для себя темную сторону мира искусства, сочетающую великий талант и безрассудную тягу к разрушению, тонкое мастерство и страсть к риску, возвышенное и низменное, прекрасное и безобразное. В формате A4 PDF сохранён издательский макет.

УДК 7.061
ББК 85.1

ISBN 978-5-04-257231-9

© Тетро Т., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог (18 апреля, 1989) 7
Глава 1. Здесь теперь тебе и спать (1950–1969) 8
Глава 2. Фултон, только с пальмами (1969–1972) 13
Глава 3. Подделка! (1972) 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Тони Тетро, Джампьеро Амбрози
Это точно не подделка? Откровенный рассказ самого известного арт-мошенника

CON/ARTIST
Tony Tetro with Giampiero Ambrosi
© 2022 by Tony Tetro and Giampiero Ambrosi
Published by arrangement with Folio Literary Management, LLC.

© Ноури Е.В., перевод с английского, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

В память об офицере Томасе Уоллесе и с благодарностью к Северино и Сантине Амбрози

Камиль Коро написал 3000 полотен, 10 000 из которых были проданы в Америке.
– Рене Гюйге, бывший главный куратор музея Лувра

ТОНИ
ТЕТРО

ДЖАМПЬЕРО
АМБРОЗИ

Это точно (не) подделка?

ОТКРОВЕННЫЙ
РАССКАЗ
САМОГО
ИЗВЕСТНОГО
АРТ-МОШЕННИКА

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2024

Пролог (18 апреля, 1989)

Лежу я, значит, спокойно на диване, отхожу ко сну… слышу: у входной двери кто-то копошится и приговаривает:

– Тони! Тони! Ты здесь, Тони?

Ну я и ответил:

– Здесь!

В ту же секунду врываются полицейские, человек 25… один с порога заявляет:

– Вам сейчас передали 8 000 долларов наличными. Отдайте немедленно.

Я отпираться не стал – поспешил отдать.

Копы начали методично разрушать мое жилище: с хрустом отлетали обои, ковры безжалостно взмывали вверх, содержимое всех ящиков заполняло помещение.

Все это время я сидел на диване, обливаясь потом, и украдкой посматривал на свою тайную комнату, которая отражалась в зеркале на каминной полке. Помещение странной формы укромно располагалось за ванной на втором этаже. Если нажать #* на беспроводном телефоне, откроется зеркало в полный рост, за которым притаилась моя сокровищница со специальной бумагой, красками, коллекционными печатями, осветительными приборами, винтажными пишущими машинками, сертификатами подлинности, блокнотами с подписями – со всем тем объемным антуражем, без которого не обойтись ни одному профессионалу, чье призвание заключается в подделке произведений искусства.

Копы рылись в моей аптечке, стучали по стенам, заглядывали внутрь бачка унитаза. Найди они мою сокровищницу, и моя песенка окончательно спета. В течение шести или даже семи часов копы ходили взад и вперед к своему большому грузовику, помещая в него картины, коробки, книги и все, что смогли найти. Наконец, они притомились, и главный детектив объявил, что все славно потрудились, а значит, можно уходить.

Все мгновенно побросали то, что было в руках, и ретировались. Я уже было испустил самый большой вздох облегчения за всю свою жизнь. Но на самом деле мои гости никуда уходить не собирались. Они вышли из квартиры и выстроились на пороге. Последовало долгое, неловкое молчание. Я аж растерялся: начал вставать, подумав, что они собираются надеть на меня наручники. Один из копов, толпившихся на входе, поймал мой взгляд, приподнял брови и одарил меня мерзкой ухмылкой.

Через секунду главный детектив обернулся и крикнул коллегам:

– А теперь пройдемся по второму разу!

…и все они бросились обратно, меняясь местами и выкрикивая: «Я наверху, парни, я в ванной, я здесь». Сердце мое рухнуло не просто в пятки – оно пробило пол. Я повалился обратно на диван и замер в отчаянии.

Если бы они нашли мою потайную комнату, той жизни, которой я жил, пришел бы конец.

Глава 1. Здесь теперь тебе и спать (1950–1969)

Фултон, никудышный городишко, в котором я вырос, на всех плакатах представлялся «Городом Большого Будущего». Мой отец называл его «задницей Нью-Йорка». Сегодня Фултон – это просто очередная жертва «Ржавого пояса»[1], но в мое время город процветал и гостеприимно принимал у себя итальянских и ирландских иммигрантов, которые присягали на верность новой родине, исправно посещали церковь и усердно трудились на одной из фабрик: в городе располагались филиалы Sealrite, Armstrong Cork, Miller Brewing и Nestlé – последние производили шоколад, чарующий запах которого каждый раз перед дождем доносился до нас с другого берега реки.

Мы все осознанно отказались от своих родных языков, говоров и раздражающих неамериканских имен, твердо намереваясь заработать себе новые на этой многообещающей земле.

Мы играли в бейсбол, катались на велосипедах и мотались на пляж Фэр-Хейвен поплавать в озере Онтарио – лично я просто днями напролет валялся там, сооружая и декорируя замысловатые замки из песка. Мы все поголовно вступили в ротари-клуб[2] и устраивали благотворительные карнавалы для добровольцев, вступивших в пожарную охрану. И пусть, как и все дети, мы упоенно обменивались оскорблениями – например, мы называли ирландцев «микками», а они нас – «гинеями», «гумбами» и «смазчиками», – настоящей вражды между нами никогда не возникало. Каждый итальянский парень в конечном итоге женился на ирландской девушке, и каждая итальянская девушка вышла замуж за ирландского парня. Даже один из моих лучших друзей, Гэри Баттлс, женился на Розалии Арчильяно.

Мой отец Джеймс, которого все называли «Гамп» из-за сходства с Энди Гампом[3], персонажем мультфильма 1930-х годов, ребенком приехал из Италии, из Бари, и сначала пожил в Бронксе, где на всю жизнь натаскался кубиков льда по лестнице многоквартирного дома на авеню Артура, а затем переехал в Центральный Нью-Йорк. Моя мать, урожденная Беатрис Ди Стефано, родом с Сицилии, ступила на легендарный остров Эллис, сменила имя: замуж за моего отца в возрасте восемнадцати лет она выходила как Би де Стивенс. Они купили дом, завели четверых детей и просто старались как можно более достойно прожить каждый Богом данный новый день.

Изгиб Первой улицы, на которой мы жили, носил прозвище Спагетти-Бенд. На протяжении десятилетий именно он служил центром итальянской общины Фултона. В тридцатые годы Фултон называли «Маленьким Чикаго», ведь именно здесь зачастую совершались убийства в стиле Аль Капоне[4] – вполне заслуженная репутация оплота мафии в центре Нью-Йорка.

Пока я рос, мафия обреталась повсюду, но «работала» сдержанно, старалась ничем не выделяться – просто создавала атмосферу, которой мы все дышали.

В итало-американском клубе на Бродвее за игрой в карты можно было заметить тех самых боссов, Антонио Ди Стефано (с моей матерью они были просто однофамильцами) и Бобо Раньери – верное «окружение» слонялось поблизости в ожидании.

---

[1] Часть Среднего Запада и восточного побережья США; с начала промышленной революции и до 1970-х годов здесь были сосредоточены сталелитейные производства.

[2] Благотворительная организация, открытая для всех, вне зависимости от национальной принадлежности и мировоззрения. – *Прим. ред.*

[3] Герой газетного комикса. – *Прим. ред.*

[4] Американский гангстер итальянского происхождения. – *Прим. ред.*

Насколько мне было известно, они контролировали музыкальные автоматы, автоматы для игры в пинбол и доски для фиксации сделанных ставок в каждом ресторане и кафе, где разрешалось делать ставки на спорт или разыгрывать подпольные лотереи. Если у кого-то случались неприятности, именно у этих братков всегда можно было занять денег – не без напоминания: «Лучше верни», – но ни разу за свое детство и юношество я не наблюдал ни наркотиков, ни проституции, ни чего-либо еще непристойного.

Конечно, в Фултоне уже тогда пошла мода на обанкротившиеся предприятия с оплаченными страховыми полисами и неисправной, подверженной возгоранию проводкой. Боулинг-центр «Дерби Лейнс», гриль-бар «У Гейла», автосалон, мебельный магазин – все они сгорели дотла. Один из друзей моего брата, Левти Леви, хвастался своим участием в поджоге нескольких заведений и даже своей собственной машины. Левти называл такие мероприятия «Еврейской Молнией». Когда Бобо Раньери умер, в Фултоне состоялись похороны, о которых впоследствии вспоминали десятилетиями: засвидетельствовать свое почтение пришли все – процессия из сотни черных кадиллаков тянулась насколько хватало глаз.

Все это не могло не производить впечатления, но меня такая сфера деятельности не особо привлекала.

Моими героями были не гангстеры, а Энцо Феррари и Леонардо да Винчи – гении, которыми я мог гордиться и к которым стремился хоть немного приблизиться.

В моем детстве Энцо Феррари находился в самом расцвете сил, и машины его производства не имели соперников на гоночной трассе. Они были настоящим чудом инженерной мысли, выигрывали все заезды, затмевая всех остальных мировых производителей. На 24 Heures du Mans[5], пока другие автомобили вспыхивали огнем или ломались, болиды Феррари катались безупречно – так хорошо они были спроектированы. Эти машины стали олицетворением итальянского мастерства, захватывающего дух стиля и совершенства дизайна, намного превосходящего безвкусные и простые мускул-кары, выпускаемые американцами. В детстве я с гордостью представлял себе культурную цепочку от Древнего Рима и эпохи Возрождения вплоть до этих автомобилей, меня переполнял восторг от осознания, что я каким-то образом связан с этой великой культурой. Каждый ребенок придумывает историю о том, откуда он родом и какова его роль в истории своей страны, и мое место и предназначение меня более чем устраивали.

В школе мы изучали Древний Рим, и параллельно с этим Голливуд также один за одним порождал эпические фильмы о величии и славе Вечного города. «Бен-Гур» получил одиннадцать премий «Оскар» и наполнил мое сознание панорамными, цветными изображениями роскоши и цивилизации. Я упоенно лелеял мысль о том, что именно мои предки построили акведуки длиной в сотни километров и что именно римские дома уже множество веков назад были оснащены горячей и холодной водопроводной водой, в то время как другие народы жили в грязных крытых соломой хижинах.

Студентом я был не очень-то прилежным, с трудом корпел над учебниками ради твердой тройки, скорее всего потому, что большинство предметов меня не интересовали. Однако я всегда увлекался искусством, глубоко и искренне интересовался им. Даже в возрасте всего девяти или десяти лет я срисовывал фотографии из книг или журналов, которые моя мама, заядлая читательница, оставляла валяться по всему дому. Помню, однажды я скопировал от руки фотографию Стива Ривза, культуриста и актера из фильма «Геркулес». Одетый в короткую тогу, могучий герой валил на землю две колонны – столпы мифической славы, – обмотав их цепями. Закончив рисунок, я с гордостью показал его маме, и она похвалила меня, но мой

[5] Автомобильная гонка на выносливость, проходящая ежегодно во Франции. – *Прим. ред.*

старший брат Джим лишь обидно поддел меня, обвинив в том, что я всего-навсего срисовал фотографию по контуру. «Нет! Это неправда!» – закричал я, тряся перед ним оригиналом, пытаясь доказать, что мой рисунок на самом деле намного больше, чем фотография. Я очень гордился своей работой, и его обвинения глубоко оскорбили мое юное сердце.

В нашем городе располагалась прекрасная библиотека Карнеги, и именно там проводил свои заседания Клуб Микки Мауса. Каждый вторник вечером после ужина мы спускались вниз и, навострив уши, распевали хором песни, учились кодексу благонравного гражданина и в целом познавали азы Евангелия в трактовке Уолта Диснея. После таких клубных встреч я заходил в отдел искусства и листал издания Abrams Books[6], рассматривая красочные иллюстрации.

В надежде на скрытые музыкальные таланты отец купил мне гитару и нашел мне учителя.

Как оказалось, ничего путного из этого не вышло: пустая трата моего времени и его денег. Вместе с тем мама, заметившая, что у меня есть талант к искусству, купила мне набор масляных красок для начинающих. В нем было не так много тюбиков с красками, четыре или пять кистей, немного разбавителя и небольшая стопка полотняных холстов размером восемь на десять дюймов. Я упражнялся в рисовании за кухонным столом, пока мама готовила ужин. Поначалу я был искренне поглощен занятием, но, будучи лишь ребенком, не мог удерживать внимание на одном и том же в течение долгого времени. Тем не менее в своих художествах я был чрезвычайно амбициозен.

Я попробовал нарисовать портрет нашего пса, Дюка, но еще не научился передавать то, как свет падает на шерсть.

Подруга моей матери, госпожа Поммерой, однажды похвалила меня, сказав, что, по ее мнению, моя картина просто замечательная. Я не загордился и ответил, что мне работа совсем не нравится и что в других случаях у меня получалось гораздо лучше. Еще тогда я был очень требователен к результатам своего труда.

В католической школе Святого Семейства, где я учился в младших классах, за нами строго следили мрачные монахини, похожие в своих рясах на пингвинов. Они щедро и в равной мере делились как знаниями, так и своим собственным скукоженным пониманием дисциплины, в миру известным как телесные наказания. Один раз я изобразил свою учительницу, старую монахиню, в образе Vargas pin-up girl – длинные сочные ноги, пышные бедра и налитая грудь, увенчанные настоящим вечно недовольным, морщинистым и очень узнаваемым лицом сестры Антонии. Конечно, она поймала меня, а поймав, сильно надавала мне указкой по костяшкам пальцев и потащила за ухо по коридору к директору, отцу Хирну, который с трудом подавил смешок и заставил меня пообещать больше никогда подобных рисунков не создавать.

Впервые меня по-настоящему начали обучать искусству в старшей школе. Нашим учителем был выпускник колледжа по истории искусств, который всячески поощрял наш интерес к предмету, знакомил нас с великими художниками и такими понятиями, как перспектива, теория цвета и техника. Помню, на уроке абстрактного искусства я нарисовал непропорциональную обнаженную женщину. Да, оценку мне поставили неудовлетворительную, но никто не вытаскивал меня за это из класса за ухо. На занятии по перспективе я нарисовал подробный план комнаты, тщательно перенеся на бумагу все, что видел перед собой. Я получил пятерку с плюсом и очень обрадовался. На этот раз я и сам почувствовал, что заслужил высокую оценку.

По вечерам я отправлялся в городскую библиотеку и спускался в подвал мимо нового клуба Юных Мушкетеров, и там часами разглядывал работы художников, о которых тогда ничего, по сути, не знал. Я не понимал идей Пикассо, равно как и не восторгался Мондриа-

[6] Abrams Books – первое в США издательство со специализацией на выпуске иллюстрированных книг об искусстве. – *Прим. ред.*

ном. Не видел смысла в освоении сложнейших изобразительных техник только для того, чтобы создавать престранные геометрические фигуры в примитивной палитре базовых цветов.

Вот когда наш учитель показал нам Шагала, назвав его работы «визуальной поэзией», – вот тогда я согласился, я прямо-таки воочию увидел поэтическое движение цвета. Потом нас познакомили с Дали и велели хором повторить за учителем: «Сюрреализм». Дали показался мне странным, но я по-настоящему впечатлился воображением мастера и признал, что сам не смог бы придумать таких необычных образов. Пуантилизм я воспринял как каторжный труд: тщательное заполнение большого холста цветными точками, что за пустая трата времени. Мне очень полюбились импрессионисты. Их картины были прекрасны, я чувствовал в них талант, но вместе с тем всему этому современному искусству, по моему простодушному мнению, недоставало душевности.

Вот кто действительно задевал меня за живое, так это классические мастера, художники эпохи Возрождения.

Сейчас мой разум натренирован, но тогда я просто думал: «Как им удалось вообразить и передать все эти чудеса – небо, ангелов, распятие, людей и выражения их лиц, облака, свет?» Я всерьез полагал, что их работы – чистой воды волшебство. Такого благоговейного трепета я не испытывал ни перед какими современными художниками.

Я познакомился с такими мастерами, как Перуджино, Верроккьо, Микеланджело, Рафаэль, Боттичелли и другие. Леонардо был величайшим моим кумиром из них всех, причем в юности я был скорее очарован Леонардо-инженером и ученым, чем Леонардо-художником. Я погрузился в его записные книжки, полные гениальных инженерных достижений: акваланг, летательный аппарат и парашют, военные машины, сложные исследования анатомии человека, загадка зеркального почерка. Думаю, вы можете себе представить, как глубоко подобные чудеса могут заворожить мальчика моего возраста.

Микеланджело был первым художником, которого я полюбил исключительно за его искусство, особенно за Сикстинскую капеллу и Пьету. Помню, в детстве я читал, что Микеланджело было всего 22, когда он начал работать над скульптурой, и что он трудился в одиночку в течение трех лет. И я помню, что Микеланджело услышал, как люди пустили сплетню, что его шедевр создал один из его соперников. В ярости он проник в Ватикан и вырезал свое имя на скульптуре – она оказалась единственным произведением искусства, которое он подписал за всю свою жизнь. Я его не виню. Пусть прозвучит иронично, учитывая род моих теперешних занятий, но годы спустя, подделывая произведение, на авторство которого претендовал другой автор, я думаю, я прекрасно понял, что, должно быть, чувствовал в свое время Микеланджело.

Тем не менее, несмотря на мой интерес к искусству, по большому счету я рос обычным ребенком, которому нравились бейсбол, карты, общение с друзьями и девушками. Если бы вы спросили меня тогда, кем я мечтал стать, я бы без сомнения ответил вам – бильярдным шулером. Будучи подростком, я проводил почти все свое свободное время в темном, обшарпанном, полуразрушенном бильярдном зале под названием «У Полли Легрю», который на первый взгляд мог бы показаться съемочной площадкой фильма, рассчитанного на декорации 1920-х годов. Атмосферным антуражем служили шесть столов, автомат для приготовления жевательной резинки с арахисом и пара скамеек, на которых можно было посидеть. В наличии был только мужской туалет, потому что ни одна женщина ни разу не удостаивала «У Полли» своим вниманием. Унитазом служило настолько древнее сооружение, лебединая песня компании Peerless Victorious, которая, вероятно, обанкротилась во времена администрации Тафта, что на нем все еще красовалась выдвижная цепочка.

В те времена ни один респектабельный человек не стал бы забавляться в бильярдной. Здесь тусовались хулиганы, крикуны, игроки и бездельники, но мне было все равно. Именно это мне и нравилось. Раньше я играл часами напролет, ставя на кон детей и взрослых, – в пар-

тиях с девятью шарами или в пул без правил. В 13 лет я обыгрывал 30-летних и получал по 10–20 долларов за игру. Когда у меня не было денег, собравшиеся поддерживали меня, одалживая свои, а потом мы делили выигрыш. Меня выгнали из школьной баскетбольной команды, потому что я ушел с тренировки, чтобы успеть купить новый бильярдный кий, который только что поступил в продажу.

Будучи «в ударе», я никогда не промахивался. Однажды я забил 125 шаров подряд. В «девятках» я проходил по шесть заходов, не пропустив ни одного удара – не такой ли безупречности можно ожидать от зрелого профессионала? Чтобы стать настоящим игроком, нужно было запастись нешуточным бойцовским духом, а именно, развить способность совершать одинаково отличный удар, независимо от того, стои́т ли на кону доллар или 1000 долларов. Я бы задохнулся, думая скорее о деньгах, чем о том, как закатить шар. Если бы тогда мне хватило духу выйти в профессионалы, вы бы никогда не услышали обо мне как о величайшем подделывателе произведений искусства.

Как и многие мои друзья, время от времени я выполнял обязанности алтарного служки. По обыкновению после мессы мы подсчитывали пожертвования на большом столе в задней комнате. Кто-нибудь из парней засовывал пару пятерок, десяток или двадцаток под мантию; потом мы шли играть в бильярд. Я никогда в церкви денег не брал; я просто вечером выигрывал их в девятку у тех, кто взял. Когда денег хватались, обвиняли меня, потому что мои карманы всегда были набиты наличкой. Мать моя очень переживала и горько разочаровывалась во мне. Воровство в церкви считалось грехом худшим, чем растление малолетних. Несмотря ни на что, я ни разу ни на кого не донес. Ни разу.

В 1965 году от меня забеременела моя девушка. Моя мать, всегда умевшая подбирать слова, сказала:

– Ты застелил свою постель, здесь теперь тебе и спать.

В 16 лет я стал отцом прекрасной малышки. Я женился и начал работать посыльным на молоковозе.

В ночь моей свадьбы мы с несколькими гостями распили, не забывая о тостах, шесть упаковок пива, после чего я сразу отправился спать, потому что на следующее утро мне предстояло встать в три часа ночи, чтобы доставить заказ под ледяным дождем.

Той зимой было так холодно, что я залезал в холодильник, чтобы «согреться»

Лежа ночью без сна, я представлял себе длинную жизненную дорогу впереди и клялся: «Я ни за что не буду заниматься этим всю оставшуюся жизнь».

Вскоре я перебрался в Калифорнию, обещав Маргарите забрать ее с дочерью, как только устроюсь.

Глава 2. Фултон, только с пальмами (1969–1972)

Когда мне было девять лет, мой отец, владевший дилерским центром Lincoln-Mercury, получил вознаграждение за хорошие показатели продаж: поездку на Западное побережье с оплатой всех расходов. Мы надели наши лучшие костюмы, сели в серебристый пропеллерный самолет и полетели в Лос-Анджелес. Тогда Лос-Анджелес представлял собой не задымленный и охваченный преступностью городишко, каким он является сейчас, а скорее новый с иголочки, залитый солнцем, улыбающийся мегаполис будущего, колыбель гламурного кинобизнеса, растущей аэрокосмической промышленности, радушно обещающую гостям бесконечность солнечных дней под качающимися пальмами.

Мой дядя Энтони, переехавший сюда из Фултона десятилетием ранее, забрал нас из аэропорта на универсале, и мы поехали отдыхать на его ранчо в Монтклере, милом маленьком городке у подножия горы Болди. Всю последующую неделю мой отец неутомимо возил нас по узким шоссе и закоулкам большого Лос-Анджелеса, стремясь показать нам всю бесконечность придорожных достопримечательностей. Современным проезжающим эти места могут показаться совершенно банальными, но 60 лет назад девятилетнему ребенку они показались настоящим чудом, взволновали меня до глубины души. Чего стоили одни кафешки с яствами на нескончаемом шведском столе – отец всегда накладывал себе на тарелку великолепное жаркое, а я стремился во что бы то ни стало успеть отведать десять видов пирожков и мороженое. Мы успели посетить парки для животных, зверинцы, миниатюрные железные дороги, макеты городков Старого Запада, индейские деревни, фермы с живыми аллигаторами, даже покататься на пони – мы успели все, что составляло самые дерзкие мечты маленького мальчика.

Стоял февраль, купание в программу не входило, но я приставал к отцу до тех пор, пока он не согласился отвезти нас к океану.

Сам тот факт, что в середине зимы мы могли провести приятный солнечный день на настоящем пляже, казался волшебством.

Через неделю мы все забрались в дядин универсал и направились через пустыню в сторону Лас-Вегаса, который в те времена был просто малонаселенным худо-бедно развивающимся городком, одиноко сражающимся за жизнь посреди бесконечных скал и песка. По дороге мы остановились в Бейкере, штат Калифорния, в знаменитом ресторане «Бан бой» и попробовали самый вкусный клубничный корж в жизни, настоящий шедевр, украшенный грудой гигантской сочной свежей клубники и горой из взбитых сливок. Свежая клубника зимой – ну не чудо ли!

Въезжая ночью в Лас-Вегас, мы любовались мерцающими в долине внизу огнями, радужно мигающими зазывающими шатрами с развлечениями. Все это вызывало во мне неописуемый восторг. Мы остановились в знаменитом отеле «Стардаст», в котором тогда размещалось обыкновенное казино. Вокруг основного здания кругом сверкали отдельные мотели под модными тогда космическими названиями: «Юпитер», «Сатурн», «Венера» и «Марс». Вечером мои родители принарядились и отправились на шоу, в то время как мы с братом Доном остались в мотеле, наслаждаясь великолепным набором телевизионных каналов, которые ни в какое сравнение не шли с теми жалкими тремя, что мы смотрели у нас в Фултоне.

На следующий день мой отец повел меня в казино, чтобы сыграть на удачу в игровом автомате.

Охранник вежливо сообщил моему отцу, что детям вход в казино запрещен, но мне удалось разок потянуть за рычаг и увидеть, как вращаются колеса.

В тот раз я не выиграл, но все равно почувствовал себя невероятным везунчиком, самым счастливым ребенком в мире, и мне было все равно, выиграл я на самом деле или нет. Когда несколько дней спустя мы вернулись в Фултон, я неделями в красках рассказывал всем подряд о чудесах Калифорнии и Лас-Вегасе, сияющем мираже, а мои друзья благоговейно слушали, разинув рты.

Десять лет спустя моя жизнь в Фултоне свернула по удручающей спирали, а Калифорния превратилась в далекую неосуществимую мечту. После полутора лет каторжного развоза молока я занялся продажей дешевой мебели в сетевом магазине Roys. На те небольшие деньги, которые я зарабатывал, мы с Маргаритой и дочкой едва сводили концы с концами, жизнь казалась унылой и безнадежной. Раньше мы с друзьями задорно смеялись над вывеской Фултона «Город, у которого есть будущее», теперь же я воспринимал эту вывеску исключительно как издевку, пущенную лично в мой адрес.

Той зимой, как и десятки миллионов других горемык в моем заснеженном штате, я с завистью наблюдал, как на знаменитом Параде Роз богато украшенные платформы курсировали по солнечным бульварам Пасадены под одобрительные возгласы и улыбки счастливых привлекательных людей.

Мне казалось, я застрял внутри липкого кокона, я проклинал бесконечные потоки льющегося за моим окном ледяного дождя.

Несколько месяцев спустя из Калифорнии приехали в гости моя сестра с мужем и привезли с собой последний выпуск LA Times. Я жадно впитывал каждую страницу и колонку, вспоминая волшебное путешествие своего детства. Должно быть, не менее дюжины раз перечитал я объявления о работе и квартирах, и поскольку о географии я тогда понятия не имел, то мечтал жить в Лонг-Бич, Санта-Монике или центре города. Детали не имели значения.

В течение следующего года я усердно работал и скопил 200 долларов, которые сложил с выигрышами, полученными в бильярдной. Каждый день я звонил брокеру в Сиракузах, которого нашел в телефонной книге, и спрашивал его, какова цена на акции Benrus Watch Company. Доллар за долларом акции начали медленно подниматься вверх, и когда они наконец удвоились, я обналичил деньги, уволился с работы и сказал Маргарите, что уезжаю в Калифорнию, где нашу семью ждет лучшее будущее.

3 января 1969 года я выгреб свой потрепанный «Остин-Хили 3000» из-под горы снега, поцеловал жену и малышку и отправился в Помону, где в маленькой, но ухоженной квартире жила моя бабушка. Раньше я боялся стать отцом, беспокоился о том, чем смогу зарабатывать на жизнь, боялся чего-то добиться; теперь я испытывал только воодушевляющее волнение, то грандиозное ощущение приключения, которое охватывает молодых людей в начале любого путешествия.

«Остин-Хили», конечно, не машина, на которой можно проехать 5000 километров по стране. К тому времени, когда я выехал на шоссе Уилла Роджерса в Майами, штат Оклахома, у меня отказало правое переднее колесо – последние 80 километров подвески стучали так, что ехать стало просто смешно. Ни у кого в Оклахоме запаски не нашлось, так что мне пришлось ждать, пока парни на местной помоечной мастерской не достали нужную замену откуда-то издалека. Это обошлось мне в 200 долларов плюс три ночи в мотеле, плюс 10 долларов я закачал четвертаками в платное телевидение. Мой капитал теперь составлял 100 долларов, но энтузиазма у меня не убавилось, и, направляя машину на запад, в сторону Лас-Вегаса, я преисполнялся уверенности, что я отыграю все свои деньги обратно за столами для блэкджека, просто нужно продержаться до следующего дня. Поиграв всего около часа, я уже звонил в Фултон, чтобы попросить родных перевести мне денег на бензин, чтобы добраться до Лос-Анджелеса.

Утром я забрал 75 долларов из Western Union и отправился в путь. Наконец, 15 января 1969 года, ночью, под проливным дождем, я въехал на парадную дорожку, ведущую к скромной квартире моей бабушки.

Все мое богатство составляли 35 долларов и бесполезная развалюха с изношенным сцеплением и обработанным пескоструйкой кузовом.

Я обосновался у бабушки, направив все мои усилия на поиски работы, в то время как за окном целый месяц шел холодный дождь. Мне повезло попасть на такой шторм, который случается, пожалуй, раз в сто лет. Дома соскальзывали со склонов холмов, автомобили уносило реками грязи и песка. Куда ни сунься, везде было насквозь мокро и ужасно холодно.

Самый настоящий Фултон – только с пальмами.

Мой старший брат Джим, который жил неподалеку, в Клермонте, пристроил меня к себе на работу маляром. С нами заключила контракт крупная компания, и после того, как дождь наконец прекратился, мы начали работать с утра до ночи, нанося Tex-Cote[7] на скромные дома всей Южной Калифорнии – в Белл-Гарденс, Дуарте, Дауни, Ла-Хабра и Сайпресс. По вечерам мы ходили в бары, там я впервые с удивлением узнал, что в Калифорнии есть заведения в стиле кантри-вестерн, где ковбои танцуют тустеп.

Вскоре мы начали с еще одним парнем, земляком из Фултона, вместе снимать квартиру, и я наскреб несколько долларов, чтобы отправить домой жене и дочери.

Во время одного из моих первых дорогостоящих телефонных звонков Маргарите я пожаловался на непрекращающийся дождь и пообещал ей, что заберу ее, как только смогу.

Потом мы с братом решили жить вместе. Он предложил снять жилье на пляже, но у меня в глазах сияли звезды, и я настоял, что мы должны обитать исключительно в Голливуде, который для меня олицетворял гламур, восторг и стиль. Мы переехали в высотку под названием Hollywood Mt. Cahuenga Apartments и близко подружились с управляющим недвижимостью Биллом. В Фултоне таких ребят просто не существовало. Он часто ужинал с нами – мой брат вкусно готовил, – а еще он говорил, что мы ему нравимся как люди, искренние и настоящие уроженцы провинции.

В свой выходной мы разъезжали по округе, заглядывая в дайв-бары, музыкальные магазины и киоски с бургерами. Все это происходило всего за несколько месяцев до зверств секты Мэнсона[8], и в воздухе витала странная атмосфера: фрики, хиппи и толпы непонятных людей слонялись по замызганной Сансет-Стрип.

Тогда мы были похожи на кочевников, гонявшихся за работой везде, где ее только можно было найти. Однажды в нашу компанию позвонили представители крупного особняка во Фресно, в пяти часах езды от места, где мы жили, вверх по Центральной долине, обещали по меньшей мере месяц работы и соблазнительно расписали Фресно как золотую жилу, где по окончании работ нас ждет гора других заказов. Мы взяли с собой Билла и отправились пожить на пару недель в мотель. Мне нравился Фресно, но я скучал по своей семье и изо всех сил пытался собрать деньги, чтобы перевезти их к себе.

После работы мы с Джимом обычно ходили в бильярдные, где он прикрывал меня, как мог, и мы старались еще немного заработать.

---

[7] Производитель высококачественных красок и покрытий. – *Прим. ред.*

[8] Чарльз Мэнсон – американский серийный убийца, основатель секты, члены которой совершили ряд жестоких преступлений. Банда Мэнсона (США) – группировка сектантско-религиозного характера, орудовавшая в 1967–69 и совершившая ряд убийств провокационного характера, включая нашумевшее убийство семи человек, включая беременную киноактрису Шэрон Тейт. – *Прим. ред.*

Однажды мне повезло в пивном баре, и мы заработали более 200 долларов, которые с извинениями собрали с проигравших и побежали к нашей машине, опередив местных жителей, которые начали пересматривать свои ставки. Тогда я этого не знал, но у моего брата не было с собой денег, чтобы выручить меня, если что-то пошло бы не так. Если бы я знал это, разбивая шары, вероятно, излишне бы переживал, и успеха нам было бы не видать.

Через месяц я наконец скопил достаточно денег, чтобы привезти свою семью, и, когда они вышли из самолета, я был страшно рад обнять Кристину, маленькую дочку, которую не видел почти пять месяцев. В ту ночь мы отпраздновали это событие ужином в мотеле и легли спать вместе на огромной кровати. Утром мы пошли посмотреть снятую мной маленькую квартирку. Она была совсем скромной, большего я позволить не мог, но теперь мы жили в семейном общежитии, вокруг бегали и играли другие дети – по крайней мере, создавалось ощущение того, что мы живем, как семья, как многие другие семьи. Сама же квартирка была ужасающе грязна, повсюду летали мухи, окно разбито… Маргарита, которая впервые в жизни перелетела через всю страну с нашей маленькой дочерью, в такую даль от дома и от знакомых, устроила истерику и не захотела оставаться в такой угнетающей непривычной обстановке.

Я пообещал ей, что мы вернемся в Помону и сможем жить в кругу семьи и знакомых. К счастью, добрая пожилая хозяйка жилого комплекса вернула нам деньги за жилье, и на следующий день мы уже мчались по пятой автостраде мимо Остин-Хили на пути в Лос-Анджелес. Там мы сняли маленькую квартирку неподалеку от дома бабушки, и я устроился на первую из нескольких моих работ по продаже мебели в окрестностях Помоны, ну а вскоре оказался в Barker Bros, пригороде Лос-Анджелеса. Мы влачили тоскливое и более чем скромное существование.

Каждый день я рано вставал и смотрел с Кристиной «Улицу Сезам», после чего отправлялся в 80-километровый путь на работу. Маргарита, которая распоряжалась семейным бюджетом, выдавала мне доллар на бензин, доллар на парковку и бутерброд с колбасой в пластиковом пакете.

Если бы жена не считала каждое последнее пенни, нам нечего было бы есть.

Она была мастерицей экономить, и я благодарен ей за это, потому что у меня самого это очень плохо получалось.

Продажа мебели в те дни представляла собой проделки на уровне средней школы, жалкий набор уловок и хитростей, позволяющих привлечь клиентов и продать им что угодно и любой ценой. Я учился у старых профи, бедолаг-пожизненников, которые проработали на одном и том же месте по 30 или 40 лет. Они рекламировали дешевый диванный гарнитур по сверхнизкой цене, например 89,95 долларов, привлекая внимание красивой фотографией, а затем, когда клиент попадался на удочку, отправляли покупателям изделие из настолько уродливой ткани, что, увидев ее в реальности, никто бы такого точно не купил. Понятно, что другая ткань стоила почти вдвое дороже.

Мы представали перед потенциальными покупателями с блокнотом и в галстуке-клипсе. На каждом предмете мебели висели так называемые «кнопки» или «мотиваторы», которые информировали, сколько комиссионных можно заработать с продажи товара. Основу этого так называемого бизнеса составляли наживки и подмены: в наши задачи входило всунуть зазевавшемуся клиенту дорогой скотчгард[9] или кровать размера king-size вместо желаемого queen-size. Мы суетились и готовы были пойти на любые сделки с совестью ради каждого потенциального доллара комиссии. Утомительная, скучная и деморализующая работенка.

[9] Ткань, предназначенная для обивки и перетяжки мягкой мебели. – *Прим. ред.*

Заработать в этой шарашке денег мне не удавалось, времени на дочь и жену тоже не оставалось. Я работал шесть дней в неделю либо с раннего утра до шести вечера, либо с полудня до девяти, возвращаясь домой, когда Кристина уже спала.

Когда выдавался свободный день, мы занимались чем-то, что не стоило денег: гуляли, рассматривая витрины, ходили в парк или на местечковый мексиканский карнавал в Онтарио.

Мы ни разу не были в кино, не сходили никуда поужинать. Единственным моим развлечением было рисование по ночам: я воссоздавал подробные, тщательно продуманные копии картин мастеров – Рембрандта, Пикассо и Ренуара, – упражняя разум через работу с плавными мазками кисти и разнообразными красками.

В то время я еще только учился рисовать. Я копировал репродукции из книг, которые брал в библиотеке, выбирая то, что привлекало мое внимание, или то, что особенно хотел попрактиковать. Чтобы сэкономить деньги, я купил художественные принадлежности в хозяйственном магазине и сам натянул холст на дешевые бруски, прикрепив его степлером. Обычно по вечерам после того, как все ложились спать, я рисовал два-три часа за кухонным столом. Я пробовал нарисовать солдата Рембрандта в пастельных тонах или воссоздать его золотую амуницию и пряжки, сверкающие в темноте. Я воссоздал Клоуна Бернарда Баффета, который тогда был очень популярен, хотя сегодня эту работу почти никто не помнит. Я оттачивал свои навыки через череду случайных попаданий, хаотично, без какого-либо серьезного плана, без единого обучающего курса.

В Лос-Анджелесе я сходил в свой первый в жизни музей – LACMA, художественный музей округа Лос-Анджелес, – чтобы увидеть настоящие полотна Рембрандта. Они очаровали меня – реальные полотна, к которым я практически мог прикоснуться, внимательно изучить их в поисках ключей к секретам его техники.

Я помню овальный портрет мужчины: меня поразило, что в глазах изображенного человека играл огонек, который выглядел таким реальным и живым, что казалось, у него есть душа.

Помню, я прочитал на табличке, что картину подарил музею Уильям Рэндольф Херст[10], и, просматривая остальные коллекции, я с удивлением обнаружил, что почти все экспонаты музей получил в дар от богатых меценатов. Подумать только, у человека есть подлинник картины Рембрандта, и он идет и просто так отдает ее в музей!

Рембрандт изображал тело человека, как никто иной. Рассматривая его полотна вблизи, можно было почти физически ощутить их трехмерность.

По телевизору я видел фильм, в котором Рембрандта показали за работой. Вот он, казалось, закончил картину, но затем в последние секунды лихорадочно добавляет штрихи цвета из палитры: белую точку, чтобы золотая цепочка мерцала на свету, мазок красного на кончик носа пьяницы.

Фирменная передача света на его картинах – наследие техники светотени Караваджо – не имела себе равных. Рембрандт был всего лишь мальчиком, когда умер Караваджо, но великий итальянец оказал огромное влияние на голландских мастеров, которые отправились в Рим в поисках вдохновения и заказов. Изучение подлинников Рембрандта стало для меня настоящим откровением. Его распределение света и темноты показалось мне очень тонким, переход от объектов к фону сдержанным, а эмоции – более уравновешенными, чем у прочих картин схожего стиля. Так вот, как бы сильно я ни любил Караваджо, все, что говорят о Рембрандте, –

[10] Американский медиамагнат, основатель холдинга Hearst Corporation. – *Прим. ред.*

правда. Я искренне убежден, что он величайший художник всех времен и народов. Но Рембрандт не состоялся бы без Караваджо.

Я также посетил музей Нортона Саймона в Пасадене. Его основал богатый промышленник, владевший империей кетчупов и продуктов питания the Hunt's. Он собрал замечательную коллекцию европейских мастеров и с помпой открыл свой музей в 1969 году. Я выяснил, что у них есть полотна Пикассо, Ван Гога и Ренуара – всех тех художников, подлинники которых я мечтал увидеть лично.

Посетив этот музей, я оказался потрясен палитрой красок Ван Гога. Он наносил свои краски толщиной почти в три сантиметра, размазывая краску, как мне показалось, шпателем. Всматриваясь в его работы, я прочувствовал одинокую и маниакальную психологию его искусства. Не сказать, чтобы я испытывал к Ван Гогу особую любовь, но я прекрасно понимал, что аналогов ему нет и не будет.

Рассматривая картину Пикассо, я заметил, что он работал жидкими и тягучими красками. Просматривались подтеки, очевидно, в спешке не замеченные автором. Некоторые участки холста покрывала густая паста, а другие демонстрировали настолько очевидные проплешины, что можно было разглядеть текстуру холста.

В одном музейном зале я изучал Ренуара с разных расстояний и ракурсов. Мне нравилось, как он создавал картину, полную размытого действия, выделяя одно только лицо, чтобы привлечь внимание зрителя к эмоциям изображенного человека.

Постепенно, по мере того как я начал воплощать эти идеи в своих собственных картинах, я почувствовал себя немного увереннее.

По воскресеньям я ходил на художественные ярмарки и пытался продать свои копии, беззаботно болтая с Кристиной и нанося последние штрихи на картину Рембрандта. Я просил 150 долларов за Моне и 250 долларов за Рембрандта – на их создание у меня ушли недели, но публику, которая искала что-то дешевое в тон занавескам, это не заинтересовало.

Вскоре с ярмарками я завязал, они были пустой тратой времени, но меня не покидали мысли о том, как я могу заработать на своих картинах хоть какие-то деньги.

Мне, молодому оболтусу, в голову не пришло ничего лучше, чем отнести свои копии, подписанные псевдонимом «Тетро», в первые попавшиеся галереи в Помоне, Апленде или Сан-Бернардино. Где бы ни продавали произведения искусства – мне было все равно, какие именно, – я шел туда. Мне сообщили, что мое имя никому не известно и что, пока это так, я не представляю для них никакого интереса. В паре мест мне предложили оставить работы на хранение, но с наличными расставаться не спешил никто. Я даже сходил во французские рестораны, обзванивая их в нерабочее время между обедом и ужином, чтобы спросить, не приобретут ли они прекрасную картину Моне, которую я нарисовал. Те, с кем я встречался, оказались немногословны, но испепеляющие взгляды точно передавали то, о чем они думали: «Убирайся отсюда к черту», как бы это ни звучало по-французски.

Что я понимал о жизни тогда, 20-летний щенок, у меня не было никакого реального плана, я просто пробовал все, что мог, пытался всякими способами проложить себе путь в жизни, на многое мне просто не хватало ума. Я не особо двигался вперед, впустую выбивался из сил, но все же извлек ценный урок:

не имело значения, насколько прекрасным было произведение искусства. Все, что имело значение, – это подпись на обратной стороне.

Глава 3. Подделка! (1972)

После того как я окончательно отчаялся продать свои картины, моя мечта о том, чтобы зарабатывать на жизнь искусством, практически зашла в тупик. Я мысленно закопал ее в землю и закрыл крышку. Я чувствовал себя побежденным.

Продажа мебели – не самое увлекательное занятие на свете. Хотелось бы сказать, что я героически боролся и не сдавался, но на самом деле на меня просто надеялись жена и дочь, и я смирился с тем, что придется вернуться к шестидневной работе, к суете и бессмысленной спешке неделю за неделей. Мы с Маргаритой утешались тем, что со временем у нас появятся новые связи или случайно произойдет что-то хорошее. А пока мы старались подарить Кристине приемлемое для ребенка среднего класса детство. Маргарита стала хорошей матерью, она всегда следила за тем, чтобы наша дочь выглядела ухоженной и нарядной, чтобы она не испытывала недостатка ни в чем насущном. Я даже купил девочке велосипед.

Я был молод и жаждал странствий. В свое время по дороге в Калифорнию я подобрал попутчицу.

Она спросила меня, зачем я еду в Лос-Анджелес, и я ответил просто: «За славой и богатством».

В тайне я мечтал о том, что когда-нибудь стану владельцем «Феррари». Теперь мне пришлось столкнуться с удручающей реальностью: мои мечты бесследно растворялись во всепоглощающей рутине.

Поездки на работу за 80 километров окончательно вымотали меня, я ежедневно тратил впустую часы времени и литры бензина. Каждую неделю в свой выходной день я заходил в мебельный магазин в Помоне, чтобы вновь попросить о работе. Наконец, чтобы не отвечать на мои звонки и покончить с моими импровизированными визитами, меня приняли. Мне казалось, что я неплохо справляюсь, но вскоре в магазине начались сокращения, и меня, как самого молодого и начинающего продавца, уволили. Я подался на пособие по безработице и тогда-то по-настоящему возненавидел жизнь. Нам удалось выжить только благодаря тому, что Маргарита за несколько месяцев до этого устроилась на работу в публичную библиотеку Онтарио.

Хотелось бы сказать, что я использовал вынужденный простой с пользой, но на самом деле я не сделал ничего полезного. Я смотрел «Улицу Сезам» с Кристиной, провожал ее в школу, потом возвращался домой и звонил по объявлениям о работе, которые так и не вылились в практические собеседования. Потом я гонял телевизор по разным каналам, смотрел глупейшую программу «Темпо», где брали интервью у прохожих на улице или у какого-нибудь владельца красивой рождественской елки. Я рисовал, чтобы скоротать время.

Каждый день повторялся, как страшный сон, я не видел возможности что-то изменить. Мы с Маргаритой начали ссориться из-за денег, нашего образа жизни и воспитания Кристины. Однажды вся моя семья приехала из Фултона, чтобы вместе поехать в Лас-Вегас. Мне так хотелось отдохнуть и побыть с семьей, я умолял Маргариту согласиться на поездку. Она сказала, что у нас нет денег, и, хотя она была права, я так разозлился, что не разговаривал с ней три дня.

После нескольких мрачных месяцев безработицы я наконец устроился продавцом мебели в универмаг в новом торговом центре Montclair Plaza. Все было по-прежнему, но, по крайней мере, из торгового центра после работы мы шли в «Веселый Роджер» отдохнуть всей командой. Эти часы стали моей единственной отдушиной, хотя я всегда уходил раньше всех, в самый разгар веселья. Я был единственным сотрудником, которого дома ждали жена и ребенок.

В конце концов мы с Маргаритой отдалились друг от друга. Я ничего не знал о том, как можно сохранить отношения, и в итоге мы развелись, что, наверное, было неизбежно. Я благодарен ей за дочь – мою самую большую радость, Маргарита – хорошая женщина, просто

мы поспешили окунуться во взрослую жизнь в 16 лет. Они с девочкой переехали на соседнюю улицу в маленькую милую квартирку, а я начал жить в трех минутах ходьбы от них с парой соседей. Мы виделись по возможности. Да, я едва сводил концы с концами, но я впервые почувствовал ту молодость, которой у меня никогда не было.

Я впервые жил один и мог сам определять свой график. Это было непривычно, но давало свободу все решать самому.

Однажды в обычное воскресенье я поехал на своем побитом «Фольксваген Жук» с нерабочими тормозами в супермаркет Alpha Beta, чтобы купить хлеба и макарон, а также побаловать себя фирменным стейком из рубленого мяса. Ничто не предвещало, но именно этот день изменил мою жизнь и определил курс, которому я следовал в течение последующих 50 лет.

Я уже купил все, что нужно, скучал в очереди на кассе, и вдруг заметил небольшую круглую книжную витрину. Покрутив ее, я увидел книгу с красочной картиной Модильяни на обложке. Это была «Подделка!» Клиффорда Ирвинга. Я взял ее в руки и, пока люди проходили мимо меня, начал читать, завороженный историей печально известного венгерского фальсификатора Эльмира де Хори, который в течение 20 лет вел шикарную жизнь европейского светского льва, продавая Шагалов, Пикассо и Модильяни ничего не подозревающим галеристам и коллекционерам в Испании, Франции и Италии. Я купил книгу, приехал домой и прочел ее в один присест, не сомкнув глаз до поздней ночи. По мере чтения одна мысль становилась все яснее и яснее, она полностью завладела моим сознанием: «Я тоже так могу».

В книге Ирвинг рассказывает о том, как Эльмир поднялся из безвестности и стал уважаемым дилером и желанным гостем в европейских домах и летних резиденциях. Он работал тайно, прикрываясь вымышленными личными отношениями с художниками, и главной его задачей было создание картин, которые были бы не точными копиями, а правдоподобными полотнами в стиле великих мастеров и популярных живописцев того времени. Меня озарило: мало того, что этот парень додумался до великолепного решения, у него хватило смелости осуществить свой дерзкий план, вылезти исключительно за счет своей смекалки, таланта к искусству и правдоподобной подачи полнейшего мошенничества.

Уже на следующее утро я решил воплотить свой план в жизнь. Я поехал в большую библиотеку в стиле ар-деко на Олив-стрит в центре Лос-Анджелеса и стал искать на полках старые, широкоформатные книги по искусству и архитектуре, страницы которых потускнели от старости. Обычно в таких книгах было три-четыре пустых страницы в начале и еще семь – в конце. Я зарывался поглубже в стеллажи и, когда никто не видел, кашлял и вырывал из книги чистую страницу. В результате нескольких поездок и, как определенно казалось окружающим, хронического туберкулеза у меня накопилась небольшая пачка бумаги, пригодная для рисования.

Мои первые шаги были робкими, я балансировал между преступлением и розыгрышем. Я был невежественен, но достаточно умен, чтобы понять, что картина маслом, заявленная под фамилией крупного художника, привлечет внимание. Из книги про Эльмира я также узнал, что отдельную задачу представляло собой и создание убедительного провенанса – легенды о том, кому принадлежало произведение искусства и где до этого хранилось.

Поэтому вместо картины Шагала, Моне или Пикассо я решил сделать небольшой рисунок и подписать его именем великого мастера подделки: де Хори, который после выхода прочитанной мною книги снискал себе международную славу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.